

**Военные
Приключения**

ГОРЬКИЙ СЕНТЯБРЬ

НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВ

Военные приключения

Николай Дмитриев

Горький сентябрь

«ВЕЧЕ»

2017

Дмитриев Н. Н.

Горький сентябрь / Н. Н. Дмитриев — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Военные приключения)

ISBN 978-5-4444-8816-4

Конец лета и начало осени 1941-го. Гитлеровские полчища стремятся на восток, идут тяжелейшие бои за Киевский укрепрайон... Беспощадные жернова самой страшной в истории человечества войны перемалывают тысячи и тысячи жизней. Но встают на пути врага рядовые бойцы и сержанты, лейтенанты и капитаны, сотрудники органов Государственной безопасности и генералы. Не все смогут выйти из опаляющего пламени, но те, кто уцелел, станут основой той силы, что сломит хребет фашизму и дойдет до Дня Великой Победы. Новый роман мастера отечественной военно-приключенческой литературы.

ISBN 978-5-4444-8816-4

© Дмитриев Н. Н., 2017
© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	35
-----------------------------------	----

Николай Дмитриев

Горький сентябрь

Посвящается светлой памяти моего старшего брата Дмитриева Алексея Николаевича, для которого сентябрь 41-го, как и для многих других честных защитников Отечества, стал роковым

Армейская группировка, за два месяца, прошедших с начала войны, потеряв в почти непрерывных схватках большую часть техники и чуть ли не половину личного состава, отступала. Подчёркнуто торопясь, капитан Астахов, сойдя с забитого людьми и машинами шоссе на поросшую хилой травкой обочину, скорым шагом шёл вдоль почему-то остановившейся дивизионной колонны. Пару минут назад его разыскал запыхавшийся посыльный и единым духом выпалил:

– Товарищ капитан, вас командир дивизии требует...

Капитан Астахов понимал, как он выглядит после утомительного марша, и позволил себе чуть-чуть задержаться. Первым делом он вытер пучком травы ставшие серыми голенища сапог, отряхнул насколько возможно насквозь пропылившуюся гимнастёрку и, поправляя амуницию, ту же затянул командирский ремень. Конечно, сейчас никто не стал бы делать ему замечание, но Астахов, считая себя военной костью, иначе поступить просто не мог.

Комдив ждал Астахова возле своей «эмки». Выслушав сделанный по всей форме доклад, он одобрительно посмотрел на Астахова и приказал:

– Вам, капитан, надлежит организовать здесь, на дороге, КПП. – Полковник перехватил вопросительный взгляд Астахова и уточнил: – Сейчас отход наших частей прикрывает арьергард. Не знаю, сколько времени он продержится, но полагаю, чтобы успеть уйти за Днепр, надо спешить. Я всё же задержал колонну, дожидаясь отставших, но люди идут чуть ли не поодиночке, а их надо собрать, вам ясно?

«Хорошо, что идут», – подумал про себя Астахов и вытянулся.

– Слушаюсь, товарищ полковник. Будет сделано!

– Не сомневаюсь, – кивнул комдив и указал на недалёкую рощу. – Собирайте всех там. Мы продолжаем движение, а вы потом догоняйте. Шоссе на подходе к переправе наверняка будет забито, так что советую вам идти полевыми дорогами.

Говоря так, комдив явно опасался либо авиационного налёта, либо того, что, сбив оставленный позади заслон, немецкие танки пойдут по шоссе. Однако свою догадку Астахов высказывать вслух не стал, а вместо этого напомнил:

– Товарищ полковник, мне же люди нужны.

– Ах да-да, конечно... – Видимо, вымотавшийся вконец комдив запомнил, что капитан – штабник, и сейчас, махнув рукой в сторону съехавшего с дороги БА-10, сказал: – Оставляю вам броневик. Шофёр говорит там что-то не так, но обещает всё исправить. Ещё я немедленно распоряжусь выделить в ваше распоряжение комендантский взвод. Считаю, этого хватит.

– Так точно! – Астахов взял под козырёк.

– Действуйте... – ответно козырнул полковник и сел в машину, а Астахов, проводив «эмку» взглядом, направился к броневику.

Водитель БА-10, ковылявший в моторном отсеке, крыл всё и вся матом, а торчавшие рядом члены экипажа теми же словами выражали сочувствие. Когда подошёл Астахов, водитель, прекратив ругань, выпрямился, однако капитан, увидев, что боец весь перепачкан маслом, только махнул рукой и поинтересовался:

– Что с машиной?

– Да, товарищ капитан, какой-то гад соли в бензобак сыпанул.

– Ближе к дороге подъехать сможешь? – деловито спросил Астахов.

– Ясное дело, вот только временный бачок приспособлю, – и водитель показал бутылку с бензином, в горлышко которой был вставлен резиновый шланг.

Астахов стал ждать, пока боец заведёт двигатель, но тут возле броневика появился бра-
вый сержант с автоматом ППД на груди и, с ходу обратившись к стоявшему чуть в стороне
командиру, уточнил:

– Вы капитан Астахов? – А уже потом, увидев утвердительный кивок, доложил: – То-
варищ капитан, комендантский взвод прибыл в ваше распоряжение!

В подошедшем следом строю было лишь восемнадцать человек, и Астахов, отметив,
что взводом командует всего-то сержант, вздохнул. После тяжёлых боёв, предшествовавших
отходу дивизии, ждать чего-то другого не стоило. Подумав самую малость, Астахов указал на
рощу:

– Товарищ сержант, пять бойцов отправьте туда. Там сборный пункт. Вы с остальными
на шоссе. Если подойдут отставшие подразделения нашей дивизии, направляйте их в рощу.
Одиночек и проходящие машины тоже туда. Я сейчас подгоню броневик к дороге, и тогда мы
с вами решим, как быть дальше. Задача ясна?

– Так точно! – сержант вытянулся, и буквально через минуту отделение из пяти бойцов
уже спешило к роще, а сам комвзвода, объяснив оставшимся с ним людям задачу, принялся
организовывать КПП.

Капитан думал, что ремонт броневика затянется, но водитель слишком долго возился, и
Астахов уже хотел идти помогать сержанту, как вдруг двигатель пару раз фыркнув, заработал,
после чего обрадованный боец сообщил:

– Готово!

Астахов показал, куда ехать, экипаж занял свои места и БА-10, урча мотором, выка-
тился к самой обочине, тотчас наведя пушку на дорогу. С появлением броневика дела на КПП
пошли лучше. Если до этого бойцам комендантского взвода приходилось кричать, размахивать
руками и даже стрелять в воздух, то теперь, под наведённым дулом, грузовики тут же притор-
маживали, а бойцы-одиночки останавливались сами, не дожидаясь грозного окрика.

Всех, кто шёл мимо сержант строго спрашивал:

– Какая часть? – И тех, кто был из Астаховской дивизии, отправлял в рощу.

Правда, время от времени некоторые упрямыцы пробовали уверять, что дойдут сами, но
тогда сержант запросто рявкал:

– Пшёл, тебе говорят! – и для убедительности поводил стволом ППД.

Какое-то время Астахов, не вмешиваясь, наблюдал слаженную работу команды, но потом
обратил внимание, что к КПП медленно, опираясь на палку идёт какой-то командир, левая
нога которого была кое-как замотана тряпками. Подойдя ближе, он остановился, достал из
кармана платок, вытер обильно стекавший из-под фуражки пот и облегчённо вздохнул:

– Ну, слава богу, догнал...

– Товарищ комполка, как же так?.. Вы и вдруг в одиночку, пешком?.. – кинулся к нему
сержант.

Астахов тоже знал этого командира полка их дивизии и, в свою очередь удивившись, что
с ним никого нет, спросил:

– Товарищ майор, что случилось?

– Бомбёжка... Из машины выскочил, а очнулся на обочине. Нogu замотал и вот, как-то
добрёл...

– Но как же так? – возмутился Астахов. – Вы ж в машине не один ехали... Где другие?..
Почему не помогли?

– Некому было помогать, капитан... – ответил комполка и так посмотрел на Астахова,
что тому сразу всё стало ясно.

Немного поколебавшись, капитан всё-таки обратился к командиру полка:

– Товарищ майор, у нас тут в роще собраны отставшие машины, люди, среди них есть и командиры. Кстати, сколько их уже собралось? – Астахов повернулся к стоявшему рядом сержанту.

– Восемь лейтенантов, – тут же доложил тот.

Астахов прикинул, как их использовать, и сказал:

– Я считаю, пора формировать маршевую колонну. – А потом, глянув на обмотанную тряпками ногу комполка, спросил: – Вы командовать сможете?

– Смогу, – и как бы в подтверждение майор сильнее опёрся на палку.

Капитан собрался было обсудить детали, но тут его внимание отвлекли длинные гудки трёх появившихся на шоссе грузовиков. Астахов решил, что они требуют освободить дорогу, но всё оказалось не так. Едва первый ЗИС затормозил прямо перед броневиком, из его кабины высунулась молодая женщина-военврач. Была она вроде как не в себе и, обращаясь к комполка, крикнула:

– Товарищ майор! Это машины медсанбата! Дайте бензина!

Сразу поняв, в каком она состоянии, майор, переглянувшись с Астаховым, тут же заверил женщину:

– Дадим, непременно дадим, сольём из других машин. – И деловито уточнил: – У вас медперсонала сколько?

– Я одна... – устало опустив голову, женщина начала тереть ладонями щёки, но заметив краем глаза тряпки на ноге майора, вскинулась: – Вы ранены?

– Это потом. Сейчас нам туда, – и встав здоровой ногой на подножку ЗИСа, майор палкой указал направление к роще.

Машины медсанбата отъехали, и Астахов, воспользовавшись передышкой, задумался. Движение по шоссе затихло, а значит, ждать ещё кого-то смысла не было. Однако капитан продержал КПП на шоссе ещё минут сорок – за это время в рощу отправили всего-то человек двадцать отставших, и Астахов решил, что пора сниматься.

Капитан уже хотел дать команду, как вдруг не отходивший ни на шаг от капитана сержант тронул его за рукав.

– О, гляньте-ка, ещё кто-то едет...

И точно, к КПП быстро приближался ЗИС-5», битком набитый какими-то военными. Судя по тому, что грузовик и не думал снижать скорость, его пассажиры, видимо, рассчитывали прорваться через КПП силой. Сержант, первым догадавшийся об этом, подал сигнал, трижды стукнув прикладом автомата по бронированному капоту БА-10. Стартёр тут же взвыл, мотор завёлся, и броневик рывком выехал на дорогу, полностью перегородив проезд.

ЗИС-5 тормознул так, что задние колёса занесло вбок и остановился, не доехав до КПП метров сорок. Сидевшие в кузове военные вскочили на ноги и разом принялись что-то кричать, недвусмысленно грозя оружием. Астахов приоткрыл дверцу броневика, чтобы отдать приказ, но тут на дороге поднялась беспорядочная пальба. Стреляли с грузовика. Одна из пуль, то ли прицельная, то ли шальная ударила о броню рядом с головой капитана и, взвизгнув, ушла рикошетом в сторону.

Укрывшиеся за броневиком бойцы дали залп, и ЗИС-5, круто развернувшись, помчался обратно. Кто там ехал в грузовике, было не ясно, но Астахов, не колеблясь, распахнул дверцу броневика и крикнул командиру машины:

– Огонь!

Пушка выстрелила прямо над головой капитана, заставив его инстинктивно пригнуться. Снаряд угодил точно под дифер, и взрыв скинул грузовик в кювет. Все, кто там уцелел, выскочили из машины и, как зайцы, порскнули в разные стороны. Сержант, явно собравшийся броситься в погоню за посмевающимися стрелять беглецами, крикнул Астахову:

– Товарищ капитан, это ж диверсанты!

Секунду Астахов колебался, но потом всё-таки предположил:

– Да нет, скорее мародёры...

– Может быть... – неохотно соглашаясь, пожал плечами сержант и перекинул ремень автомата через плечо.

Понимая, как внезапная пальба на дороге будет воспринята в уже наверняка изготовившейся к маршу колонне, Астахов приказал:

– Снимаем КПП! Все в рощу!

По той же команде броневик, разворачиваясь, съехал на обочину, и тогда капитан, втиснувшись в открытую боковую дверь БА-10, кивнул водителю:

– Давай!

Комполка встретил Астахова всё ещё с палкой, но теперь его нога была аккуратно перевязана и обута в опорок, сооружённый из кирзового сапога с обрезанным голенищем. Увидев уже сформированные подразделения, Астахов первым делом поинтересовался:

– Бензина хватит?

– Да, – майор странно хмыкнул. – Тут у одного запасливого товарища в кузове полная столитровая бочка нашлась...

– Отлично, – обрадовался капитан и, достав карту, показал маршрут: – Вот комдив приказал так ехать.

– Разумно, – согласился майор, – лучше двигаться стороной, а то на шоссе ведь авиация прищучить может.

– Вот только опасаюсь, как бы нам наши машины руками толкать не пришлось, – посетовал Астахов.

– Ничего, машины руками толкать легче, чем бомбы ловить, – пошутил майор и сразу посерьёзnel. – Ну что, капитан, двинули?

– Двинули, – согласился Астахов и заключил: – Если ничего серьёзного не произойдёт, к ночи через Днепр переправимся.

Прозвучала команда, колонна двинулась, и Астахов подумал, что теперь они будут обороняться за Днепром...

* * *

Свежесформированная дивизия выходила на оборонительный рубеж. Доброволец Сергей Галушко, вымахавший под метр девяносто, оказался в первой шеренге и теперь упрямо шагал, то и дело смахивая с лица заливавший глаза пот. Прямо перед собой Сергей видел спину взводного, призванного из запаса младшего лейтенанта, и замечал, как у того на плечах из-под ещё не обмявшейся гимнастёрки тоже проступают тёмные пятна.

Вообще-то бойцу Галушко пока ещё не исполнилось восемнадцати, однако его год был призывным, и Сергея, как добровольца, без особых проволочек зачислили в пехотную роту, в тот же день выдав оружие. На их взвод пришлось две винтовки СВТ для сержантов, а остальные получили обычные трёхлинейки, часть из которых оказалась чуть длиннее, и приклад этих винтовок имел некий благородный отлив. Именно такая винтовка досталась Сергею, и, когда он полюбопытствовал, отчего так, один из бойцов его взвода, пожилой и, скорее всего, бывалый, усмехнулся:

– У тебя, цуцик, винтовочка-то ещё царская...

После таких слов Сергей старательно выложил кожаный погон, и винтовка села у него на плече как влитая. А вот с обмундированием и амуницией всё было не так гладко. Брезентовый ремень, оттянутый двумя подсумками, норовил съехать набок, паркие кирзовые сапоги из-за неумело намотанных портянок натирали ноги, а свёрнутая в скатку шинель на марше непри-

ятно ёрзала по щеке. Впрочем, со скаткой Сергей управился. Он достал свой носовой платок и обмотал им середину скатки так, чтоб грубый шинельный ворс не касался кожи.

Марш длился уже более шести часов, усталость всё сильнее напоминала о себе, и тут вдоль колонны пронеслась долгожданная команда:

– Привал!..

Когда рота, остановившись, расположилась у края худосочной рощи, Сергей стащил с себя казавшуюся теперь хомутом скатку и угнезвился в ней, блаженно привалившись спиной к шершавому стволу дерева. Веки у него тотчас опустились, и какое-то время боец был в полудремотном состоянии.

Малость передохнув, Сергей вспомнил про натёртые ноги, встрепенулся и принялся стаскивать сапоги. Портянки, конечно, оказались мокрые, и боец старательно развесил их сушиться на ближайшем кустике, а потом, для порядка придавив пальцами надувшуюся на пятке водянку, снова сел отдыхать. Однако не успел он смежить веки, как услышал:

– Что, цуцик, дрыхнешь?..

Боец открыл глаза и увидел стоявшего рядом того, бывалого.

– А что, нельзя? – Сергей прижмурился.

– Оно, конечно, можно... – отозвался бывалый и, оценивающе посмотрев на парня, хмыкнул: – А вдруг команда?

– Так я ж портянки сушу и вон ногу натёр. – Сергей показал пятку.

Бывалый усмехнулся, снял с куста малость подсохшую портянку и, расстелив её сухим концом на ближайшем пенёке, позвал:

– Ну-ка цуцик, иди сюда...

Когда Сергей послушно встал, бывалый, не чинясь, показал молодому бойцу, как надо наматывать портянку.

Со второй, к собственному удивлению, Сергей справился сам и, придя к выводу, что портянка и впрямь удобная штука, обулся. С одобрением поглядывавший на Сергея бывалый, опять усмехнулся:

– Ты, цуцик, никак городской?

– Ну да, – тоже заулыбался Сергей, но договорить не успел, так как мимо них пробежал кирпатый¹ боец их взвода и на ходу крикнув:

– Вы чего тут сидите, там кухня пришла!.. – сломя голову помчался на другой конец рощи.

– Пошли, – сказал Сергею бывалый и как-то по-доброму улыбнулся, глядя, как боец суетливо пристраивает на плече скатку.

К раздаче они припозднились. Десятка три бойцов, сбившись в плотную кучу вокруг полевой кухни, толкались и переругивались, стараясь пробиться ближе, тянули свои котелки орудовавшему черпаком повару прямо через головы товарищей. Сергей, поражённый столь неприглядной картиной, обернулся к малость отставшему бывалому и увидел стоявшего в стороне взводного, который неуверенно топтался на месте, вроде как порываясь что-то сказать.

В этот момент откуда-то из глубины рощи к кухне примчался ротный. Секунду он смотрел на творившееся у кухни, а потом дико заорал:

– Кончай бардак!!! – и, выхватив пистолет, пальнул в воздух.

Бойцы шарахнулись во все стороны, перепуганный повар выронил черпак, а ротный шагнул к взводному и зло выкрикнул ему прямо в лицо:

– Младший лейтенант! Какого чёрта столбом стоите?

– Да я... – протянул взводный и вместо того чтоб встать смирно, совсем по-штатски принялся теребить руками ремень.

¹ Курносый.

На лице ротного отразилось недоумение, и он спросил:

– Вы давно в армии?

– Пятый день... – взводный перестал дёргать ремень и, вспомнив про устав, опустил руки по швам.

Ротный оценивающе глянул на взводного и, уже спокойно сказав: – Ладно, наведите порядок с раздачей, – пошёл обратно в рощу, на ходу пряча пистолет в кобуру.

Позже, сидя на пенёке и уминая из котелка пшёнку, Сергей пытался взять в толк, почему выстрел ротного так сразу навёл порядок? Эти мысли прервало появление бывшего, который, держа за хвост, нёс большую жирную селёдку. Остановившись рядом с Сергеем, он спросил:

– Ты чего рыбу не брал? Испугался, как ротный пальнул?

– Не, я не знал, что дадут, – сглотнув слюну, расстроился Сергей.

– Не бойсь, – успокоил его бывалый. – Это я нам на двоих взял.

Он заставил Сергея встать, прикрыл пенёк листом лопуха и принялся резать селёдку аккуратными ломтиками. Тут к ним зачем-то подошёл кирпатый, который прямо на ходу доедал кашу.

– Ты что, с перепугу тоже полный паёк не взял? – поддел его бывалый.

Боец сразу понял, что речь идёт о селёдке, и хитро прищурился.

– С чего бы? Я своё всегда возьму. Опять же рыбка знатная... – Кирпатый выскреб ложкой остатки каши и вдруг спросил: – Наши говорили, у немцев вместо котелков банки плоские, с крышкой. В банку первое, а в крышку второе, верно?

– Верно, – подтвердил бывалый и уточнил: – Вот только в ту манерку входит то что дадут, а в наш котелок, всё что спростишь...

– Вон оно как... – протянул кирпатый, но ничего больше сказать не успел.

Мимо них рысью пробежал ефрейтор и, кинув на ходу: – Кончай со жратвой! Давай бегом к старшине, там нам лопаты привезли, – помчался дальше.

Кирпатый тут же увязался за ефрейтором, а бывалый придержал Сергея, и они, быстро доев селёдку, только тогда пошли следом. Идти было недалеко. На проходившей через рощу полевой дороге стоял селянский воз с обычными огородными лопатами, которые распоряжавшийся здесь старшина выдавал по пять штук на отделение. Старик возчик, доставивший эти лопаты, сидел, свесив ноги за край телеги, и молча попыхивал своей солдатской трубочкой-носогрейкой.

Собравшиеся у дороги бойцы, ожидая своей очереди, балагурили, и вдруг в их трепотню встрял дед, заявив:

– Вы, я вижу ребята, войско с бору по сосенке...

– Так мы ж, почитай, отовсюду, – сказал странно бледный, не участвовавший в общем трёпе боец и вроде как с намёком добавил: – Знаешь, дед, где девять месяцев зима, а остальное лето?

– Знаю, – пыхнул своей носогрейкой дед. – Сам в тех местах воевал.

– Это что, за царя Гороха? – вмешался главный балагур.

– Не за царя Гороха, а за государя императора, – нахмурился дед и пояснил: – Пекин мы брали, столица такая китайская, богатая... Слышал?

– Мы всё слышали, – балагур весело фыркнул и тут же прицепился к старику. – А раз богатая, чего ты там дед не остался? Или нам чужой земли не надо? Опять же, смотри, Пекин твой столица...

– Ты сам смотри. Как бы вы, вояки хреновы, Киев не просрали... – неожиданно осерчал дед и, увидев, что воз разгрузили, хлестанул конягу.

Линия обороны была намечена по краю рощи. Взвод Сергея, получив лопаты, рассредоточился и приступил к подготовке ячеек. Правда, лопат оказалось маловато, и копать пришлось по очереди. Сергею, как самому крепкому, лопату дали сразу в надежде, что он отроет свою

ячейку раньше других и передаст шанцевый инструмент товарищу. Именно поэтому кирпичный всё время крутился вокруг Сергея, нетерпеливо ожидая, когда тот управится.

И Сергей старался. В считанные минуты сняв слой дёрна и отложив нужную для маскировки зелень в сторону, боец так рьяно принялся копать, что спина у него тут же взмокла, зато и ячейка быстро углубилась больше чем на полметра. А если принять во внимание и образовавшийся из выброшенной наверх земли бруствер, то это было уже вполне надёжное укрытие.

Решив наконец малость передохнуть Сергей опёрся о черенок лопаты и вдруг услышал странный свист. Боец недоумённо закрутил головой, но тут вдруг где-то позади грохнуло, послышался треск ломающихся веток, воздушная волна швырнула Сергея на бруствер, и он, поспешно выскочив из ячейки, начал испуганно озираться, пытаясь сообразить, что произошло.

В роще грохнуло ещё пару раз, оттуда донеслись суматошные крики, которые тут же перекрыла зычная команда:

– Всем в укрытие!

Сергей кинулся к ячейке, но его внезапно оттолкнул всё ещё бывший рядом кирпичный и, прыгнув вниз, сам вжался в землю. В полной растерянности Сергей стал дёргать товарища за ноги, однако кругом загрохотало так, что боец просто перестал соображать. Он метнулся в одну сторону, в другую, вроде бы налетел на дерево, а что было дальше, позже вспомнить не мог...

Боец пришёл в себя, когда кругом стало тихо, и с удивлением обнаружил, что лежит на каком-то картофельном поле. Сергей поднял голову и увидел спокойно стоявшего рядом бывалого, а чуть дальше взводного. Боец вскочил и услышал, как бывалый вроде как сочувственно хмыкнул:

– Что, цуцик, очунял?.. Хорошо хоть винтарь не бросил...

Сергей только сейчас заметил, что всё ещё держит в руках трёхлинейку и совсем уж глупо забормотал:

– Что командир подумает...

– А, ничего, – успокоил бойца бывалый. – Я сам видел, как он из своей ячейки тоже рачки лез.

Сергей недоверчиво глянул на бывалого, потом на взводного, который, вдруг словно стряхивая с себя наваждение, встрепенулся, затоптался на месте, а потом как-то по-штатски крикнул:

– Товарищи красноармейцы! За мной в атаку! – и, выхватив из кобуры лоснившийся от необтёртой смазки наган, первым побежал к роще.

Как оказалось, на картофельном поле была чуть ли половина роты. Команда подняла всех, и устремившиеся за командиром бойцы даже начали кричать «Ура». Сергей не кричал. Уставя штык, он шёл в атаку с одним страстным желанием – встретить врага. Но немцев в роще не оказалось. На бегу Сергей замечал тела погибших товарищей, перескакивал через поломанные стволы и лишь у своей прежней позиции встал как вкопанный. Он увидел посечённую осколками спину, осыпавшийся бруствер и понял, что кирпичный боец навсегда остался лежать в ячейке, которую он, Сергей, рыл для себя...

* * *

Новенькая полуторка пылила просёлком. Водитель, разгоняя машину, то чуть ли не до отказа вдавливал в пол пуговицу акселератора, то шёпотом матерился и жал на тормоз, когда колёса грузовика срывались с плохо наезженной колеи. Сидевший в кабине рядом с шофёром старший лейтенант-артиллерист пропускал мимо ушей ругань бойца и, думая о своём, неотрывно смотрел на вившуюся полем дорогу.

Имевшаяся у командира карта показывала, что впереди ни перекрёстков, ни ответвлений нет, а значит, опасаться, что идущая следом батарея куда-нибудь заедет, не приходилось. Правда, время от времени старший лейтенант, наклонившись к лобовому стеклу, на всякий случай поглядывал вверх, но небо оставалось чистым, и командир снова возвращался к своим мыслям.

Вот только мысли эти были совсем не весёлые. Война шла уже третий месяц, и всё складывалось совсем иначе, чем представлялось раньше. Конечно, старший лейтенант уже не был мальчишкой и знал, что на войне случается всякое, но чтобы вот так, проиграв приграничное сражение, непонятно почему отступить в центре, а на юге вообще откатиться до Днепра... Нет, после Халхин-Гола и Финской кампании это просто не укладывалось в голове!

Тем временем казавшаяся бесконечной дорога наконец-то пересекла поле и углубилась в довольно густой лес прифронтовой полосы. Здесь колея стала менее накатанной, колёса полуторки запрыгали по корневищам, и водителю всё чаще приходилось крутить баранку, чтобы благополучно миновать то крутой поворот, то узкий проезд между деревьями. Так по лесу довелось петлять минут двадцать, прежде чем машина выехала на весьма обширную поляну.

Судя по всему, КП дивизии размещался здесь. С противоположной стороны поляны, на которую вывела лесная дорога, виднелось несколько замаскированных проросшим дёрном блиндажей, возвышавшихся едва приметными холмиками. В стороне от них, глубже в лесу прятались штабная «эмка» и связной броневилок, а возле него кто-то одетый в танкистскую кирзовую куртку, возился с мотоциклеткой.

Сразу за блиндажами стоял ЗИС-5 с откинутыми бортами, и бойцы сгружали с него какие-то ящики. Метрах в тридцати от грузовика пряталась за маскировочной сетью радиомашинка, для надёжности до половины зарытая в землю, и почти там же старший лейтенант высмотрел большую армейскую палатку. Очень походило на то, что штаб обустраивался основательно.

Оставив полуторку под деревьями, старший лейтенант прошёл в штабную палатку, где, как оказалось, почему-то находился только один полковник, сидевший за складным столом. Внутри было душно, и даже окна, все с отстёгнутыми клапанами, не добавляли прохлады. Через ближайшее, перекрещенное парусиновыми лямками окошко, старший лейтенант увидел поставленные неподалеку ещё две палатки со свежооткрытой возле них щелью и вскинул руку к козырьку.

– Товарищ комдив, командир батареи старший лейтенант Бахметьев прибыл в ваше распоряжение...

Сидевший за столом полковник глянул на новоприбывшего и, подняв руку, нетерпеливо перебил его:

– Хорошо, что прибыл. Мне уже звонили. Где пушки?

– На подходе, товарищ комдив...

– Что значит на подходе? – возмутился полковник. – Вы что, прибыли сюда один, без орудий? Где батарея?

– Моя батарея отсюда в двенадцати километрах, – доложил старший лейтенант и обстоятельно пояснил: – Мне приказано прибыть к 24.00. В целях скрытности колонна начнёт движение в сумерках.

– Выходит, немецких самолётов боишься?... – Полковник внимательно посмотрел на командира батареи.

– Не то чтоб боюсь, но наслышан, а потому решил не рисковать, товарищ комдив, – коротко пояснил старший лейтенант.

– Гляди-ка, наслышан он... – хмыкнул полковник и, заметно поменяв интонацию, спросил: – Тяга-то у тебя какая?

– Четыре специальных артиллерийских тягача СТЗ-5-Нати. И ещё один тягач запасной, – доложил старший лейтенант.

– Значит, за три часа должны дотянуть ко времени... Да, выходит ты, старший лейтенант, правильно рассчитал, – заключил полковник и вдруг спросил: – Орудия-то у тебя в батарее какие?

– Четыре 107-миллиметровых образца 1910/30 года.

– Боекомплект?

– Полтора БК!

– Лишку, значит, прихватил... Хвалю, а то мало ли что...

Не спуская испытывающего взгляда с командира батареи, полковник довольно долго барабанил пальцами по столу и вдруг поинтересовался:

– Ты, я вижу, кадровый. Что кончал?

– Второе ЛАУ, товарищ полковник.

– Так, выходит, ты в Ленинграде учился... – для самого себя уточнил полковник и неожиданно продолжил расспрос: – Ну а сам из каких мест?

– С Поволжья, товарищ комдив, – коротко ответил старший лейтенант, а потом уточнил: – Жил в Саратове.

– Я слышал, там у вас немцев много, – с неким упором заметил полковник и, как бы делая вывод, заключил: – Ты-то, я гляжу, русский...

– Я белорус, товарищ комдив, – не понимая, куда клонит начальник, старший лейтенант недоумённо посмотрел на полковника.

– Это откуда же в Саратове белорусы? – не унимался тот.

– Семью отца эвакуировали, товарищ комдив.

– Как это эвакуировали, когда? – удивился полковник.

– В 15-м году, товарищ комдив. Ещё от той войны.

– А, ну это другое дело... – почему-то решил полковник, потом немного подумал и приказал: – Ладно ступай, а пока твоя батарея прибудет, зайди в штаб к капитану Астахову. Он тебе всё пояснит.

– Есть, товарищ комдив, – чётко ответил старший лейтенант и, по-уставному повернувшись через левое плечо, вышел наружу.

Капитана Астахова Бахметьев нашёл в одной из тех двух, стоявших в стороне палаток. В отличие от комдива у капитана раскладного стола не было и его заменял обрезок широкой доски, уложенный на два чурбачка. Там лежали какие-то бумажки, которые Астахов, едва увидав Бахметьева, тут же отложил в сторону.

Выслушав обстоятельный доклад старшего лейтенанта и узнав о вероятном времени подхода колонны, капитан сказал:

– Мы твою батарею с утра ждём, позиции основная и две запасных намечены, что же касается рекогносцировки, хоть тебе этой ночью так и так спать не придётся, думаю, её лучше провести утром. Возражений нет?

– Никак нет! – улыбнулся Бахметьев, отметив про себя, что капитан чем-то располагал к себе.

И словно подтверждая это первое впечатление, капитан Астахов с улыбкой предложил Бахметьеву:

– Ну что, старший лейтенант, по-моему, самое время подкрепиться? Небось на марше пообедать не случилось?

– Ясное дело нет, впрочем, поесть никогда не мешает, – весело заметил командир батареи и выжидательно посмотрел на Астахова.

– Правильно, – капитан быстро собрал разложенные на столе бумаги, сложил их в ящик и поднялся. – Давай, потопали.

Астахов провёл Бахметьева в глубь леса, туда, где на небольшой прогалине дымила походная кухня, а недалеко от неё примостился сколоченный из досок обеденный стол. Повар в отличительном белом колпаке принёс макароны по-флотски, и какое-то время командиры сосредоточенно ели. Потом, когда на столе появился и свежее испечённый хлеб, Астахов, взяв ещё тёплый кусок, как бы между прочим сказал:

– Твои корпусные пушки это хорошо, фронт уплотняется... – И только потом спросил: – Тебе-то как, повоевать уже пришлось?

– Ещё на Финской, – отозвался Бахметьев.

– А-а-а... – с заметным разочарованием протянул Астахов.

Это не укрылось от Бахметьева, и он, догадавшись, что капитан имеет в виду характер войны, отложив ложку, попросил:

– Расскажи мне, капитан, что тут, а то я всё слушаю, как «Совинформбюро» заканчивает сообщение фразой: «Наши потери незначительны»...

– Ну да, весьма незначительны, – сделав упор на слове «весьма» ответил Астахов, и его лицо исказила злая гримаса. – От дивизии почитай едва полк остался и то если кашеваров считать. Пополнения только за Днестром подходить начали, но уж тут нам, кровь из носу, удержаться надо...

Какое-то время командиры сидели молча. То, с какой интонацией капитан упомянул Днестр, говорило о многом. Бахметьеву уже приходилось слышать, что немцы гораздо сильнее, а потому и прут безостановочно, но верить в это никак не хотелось, и он спросил о другом:

– Я вот одного не пойму, капитан. Комдив, как меня расспрашивал, узнал, что я белорус, и вроде как коситься начал. С чего это вдруг?

– А чего тут понимать? – Астахов кривовато усмехнулся. – Просто комдив наш западенцев на них не переносит.

– Каких западенцев? – не понял Бахметьев, но, сообразив, что речь идёт о жителях, присоединённых в 39-м областей, с жаром возразил: – Я разве западенец? Я вообще саратовский, на Волге вырос.

– Не о тебе речь, – успокоил его Астахов и с горечью пояснил: – Как немцы нас у границы прищучили, то местные, кто мобилизован был, почитай все драпанули. Вот комдив и остерегается...

Раньше о таком Бахметьев не слышал и сейчас попытался узнать больше:

– Скажи, капитан, как получилось, что мы на Днестре? Может, из-за того, что эти самые западенцы драпанули?

– Не знаю, я над этим, честно сказать, и сам голову ломаю, – глухо отозвался Астахов и как-то сразу замкнулся.

Разговор явно прервался, и тогда Бахметьев, ничего больше не спрашивая, а, наоборот, всем своим видом показывая, что пора заняться делом, решительно поднялся из-за стола...

* * *

Бойцы тесно, плечом к плечу, стояли в каземате Киевской цитадели. Рота, присланная, чтобы деблокировать замолчавший дот, ждала сигнала к атаке. На серых бетонных стенах каземата тускло светили электрические лампочки, позволявшие рассмотреть чётко выделявшийся вход в потерну. Стоявший на фоне этого тёмного прямоугольника ротный кричал:

– Товарищи! Наша задача в ходе контратаки выбить немцев с занятых ими позиций и оттеснить от стен форта как можно дальше! При выходе наружу не идти, а бежать в сторону дота! Помните, залог нашего успеха – быстрота! Вперёд!.. За мной ребята! – и призывно взмахнув зажатой в руке пистолетом, ротный первым бросился в темень потерны.

Тесня друг друга, первые ряды устремились за командиром, но сразу пройти всем было невозможно, и потому у входа произошла некоторая заминка. Но вскочившие в потерну первыми бойцы дружно бросились вперёд, и возникшая было пробка быстро рассосалась. Дальше дело пошло лучше, и в скором времени уже вся рота полностью втянулась в длинную узость потерны.

Так как строители форта сделали пол с заметным наклоном в сторону выхода, бойцы бежали всё быстрее, отчего сама низковатая потерна сначала наполнилась гулким топотом, а вскоре этот слитный шум начал перекачиваться волнами, перемежаясь отдельными возгласами, которые в конце концов слились в нечто похожее на глухой рык.

Наконец давящий сумрак сменился нестерпимо ярким солнечным светом, и вырвавшаяся из бетонной тесноты потерны рота, стремительно разворачиваясь в цепь для атаки, уставя штыки, с громкими криками «Ура», перекрываемыми матерным рёвом, бросилась на позиции немцев, оказавшиеся в непосредственной близости от скрытого в насыпном холме форта.

Выход из потерны скрывал кустарник, и вражеские пулемётчики, засевшие в окопах, не сразу смогли сообразить, почему вдруг на вроде бы пустом склоне, неизвестно откуда появились атакующие. Из-за этого, в общем-то, короткого смятения, заградительный огонь немцами был открыт не сразу, что и предопределило успех внезапной атаки.

Той короткой задержки оказалось достаточно, чтобы рвавшиеся вперёд бойцы преодолели небольшое расстояние от выхода из потерны до немецких окопов и без выстрела бросились в штыковую, чуть ли не сразу перешедшую в жестокую рукопашную схватку, одну из тех, которую как уже было известно, немецкие пехотинцы просто не выдерживали.

Бой получился скоротечным. Застигнутые врасплох немцы отступили в беспорядке. Правда, при отходе они пытались отстреливаться, но закрепиться так и не смогли, откатившись на прежние позиции, где их раньше сдерживал огонь из замолкшего по какой-то причине дота. Здесь вражеское сопротивление заметно усилилось, и тогда бойцы залегли, начав окапываться.

Командиры несколько раз пытались снова поднять бойцов в атаку, но каждый раз шквальный пулемётный огонь срывал эти попытки. Убедившись, что дальше оттеснить врага имеющимися силами не удастся и надо ждать подкреплений, ротный дал приказ закрепиться. Конечно, если бы дот поддержал атаку, результат был бы весомее, но теперь следовало прояснить обстановку.

Сам ротный, отдав нужные распоряжения, побежал к доту, чтобы разместить там временное КП, поскольку оттуда можно было оценивать ситуацию и следить за ходом боя. Тут его и нашёл посланный на рекогносцировку командир первого взвода. Пространство за дотом не простреливалось, и взводный, переведя дух, наконец-то выпрямился во весь рост, а затем принялся тереть ладонью оцарапанную пулей щеку, отчего кровь только сильнее стала размазываться по лицу.

– Что, зацепило? – посочувствовал ему ротный.

– Да ерунда... – весело отмахнулся взводный. – У меня всё всегда заживает как на собаке.

– Оно неплохо, только ты бы всё-таки лицо платком вытер, – посоветовал ротный и перешёл к делу: – Что вокруг дота?

– Да наших вроде поблизости никого нет, и куда только делись... – искренне удивился взводный.

– Как это делись? – не понял ротный. – Возле дота должно было охранение быть. Или они все?..

Ротный почему-то не стал договаривать до конца, но взводный сразу поняв, что имелось в виду, энергично замотал головой.

– Да нет же, я в том смысле, что совсем пусто... И брошенного оружия в окопах тоже нет...

Это могло иметь только одно объяснение, и ротный, от души выматерившись, жёстко заключил:

- Не иначе сбежали, гады...
- И дот бросили, – добавил взводный.

Неожиданно раздавшийся рядом металлический лязг заставил обоих командиров обернуться и посмотреть на запёртую стальную дверь дота. Её бронированная створка медленно приоткрылась, и из-за неё осторожно выглянул молоденький лейтенант. Увидев своих, он расплылся в улыбке и, не удержавшись, совсем по-мальчишески воскликнул:

- Вот здорово!..
- Так вы что, целы? – обрадовался ротный.
- Ага... Мы-то думали нам хана... – Улыбка, бывшая на лице лейтенанта, исчезла, и он деловито доложил: – Отстреливались, пока было чем. Потом немцы обошли, по бронеколпаку колотили по двери...
- А куда прикрытие делось? – не утерпел взводный.
- Да кто его знает... – пожал плечами лейтенант.
- Значит-таки, смылись славяне... – ещё раз выругался ротный.

Лейтенант согласно кивнул, а затем с надеждой глянул на стоявших у дота командиров и неуверенно попросил:

- Патронов не выделите?.. А то мне вас поддержать нечем.

Ротный повернулся к взводному:

- Как, найдём?..

Но тот только отрицательно покачал головой.

- У моих и в подсумках мало...

Ротный молча стал прикидывать, чем бы помочь лейтенанту, но его отвлёк призывный крик:

- Товарищи командиры!..

Ротный вскинулся и увидел, как к ним, держа в одной руке винтовку, а в другой немецкий МГ, пригибаясь, бежал сержант. Добежав, он перевёл дух и протянул пулемёт ротному.

- Вот, товарищ командир, трофейный...

– Целый?.. – Ротный поспешно взял у сержанта пулемёт и наскоро осмотрев, деловито спросил: – Патронов к нему много?

- Навалом! – радостно улыбнулся сержант.

– Ну так бери пару бойцов и немедленно тащите все что есть цинки сюда! – обрадованно приказал взводный.

– Ага! Сей момент, – кивнул сержант и, пригибаясь ещё ниже, побежал назад к брошенным немцами окопам.

Проследив взглядом, удачно ли тот миновал открытое место, взводный повернулся к лейтенанту.

- Как, для начала сгодится?

– Ещё бы! Правда, МГ прожорлив, но если патроны есть, то... – обнадёжил сам себя лейтенант, принимая из рук ротного пулемёт.

Ротный хотел что-то сказать, но тут взводный неожиданно совсем запросто потянул его за рукав.

- Смотри, похоже, к нам...

И точно, от форта к доту, даже не особо пригибаясь, спешили трое. Один, в командирской форме, шедший немного впереди, сжимал в руках автомат ППД и, судя по виду, был готов открыть огонь в любую секунду. За ним, также с автоматами шли ещё двое бойцов. Как оказалось, это был военком отдельного пулемётного батальона, в чьё подчинение входил дот.

Военком со своими бойцами не дошёл ещё пары шагов, как лейтенант вытянулся по уставному:

– Товарищ старший политрук! Комендант дота, лейтенант...

– Ладно, не до парада, – оборвал его военком. – Как гарнизон?

– Все живы. Вот только вымотались... – вздохнул лейтенант и, став «вольно», для удобства положил МГ на сгиб локтя...

– Хорошо, что у тебя люди уцелели, дальше полегче будет, – дружески ободрил лейтенанта военком.

– Кстати, а как сейчас обстановка на других участках? – неожиданно вмешался в разговор ротный.

– По-разному... – Военком посмотрел в сторону соседнего дота, откуда тоже слышались выстрелы, и, оглядевшись вокруг, спросил: – Здесь, что пехотного прикрытия не было?

– Нет... – отрицательно мотнул головой ротный.

– Понятно... – казалось, что военком хочет ещё что-то добавить, но вместо этого он спросил ротного: – Как, дальше продвинуться не удастся?

– Нет, упёрлись, гады, – коротко бросил ротный.

– Наверняка скоро опять полезут. Ладно, хоть тут не все бегают, – военком с одобрением посмотрел на коменданта дота и приказал ротному: – Оборону строй с опорой на дот. Дальше немца пускать нельзя.

– Ясно, будем держаться, – заверил военкома ротный.

– Товарищ, старший политрук, у меня боеприпасы кончились, – обратился к военкому лейтенант и показал бывший у него в руках немецкий МГ. – Только к нему несколько цинков должны принести...

– Боеприпасы будут, а сейчас глянем твоё хозяйство потому как нам отсюда уходить непозволительно, – совсем по-штатски высказался военком и первым вошёл в открытую дверь дота...

* * *

Изрядно помятая «эмка» Особого отдела медленно катилась через поле по едва накатанной колее. Шофёр не набирал скорость, опасаясь, что машина может влететь в какую-нибудь малозаметную рытвину, или, того и гляди, изрядно потрёпанные баллоны не выдержат и начнут лопаться. Сидевший справа от него бывший уже в летах старший лейтенант ГБ недовольно морщился и наконец, не выдержав, рывкнул:

– Ты можешь быстрее ехать, а то ползём, как вошь на тарелке!

– Д-ык я это... – оправдательно забормотал шофёр, на что старший лейтенант прямо-таки вызверился:

– Ты что, балда, ждёшь, пока нас тут снарядам накроет?!

Шофёр испуганно вжал голову в плечи и таки прибавил газу, одновременно высматривая, нет ли где дороги получше. Однако кругом расстиралось чистое поле, и только по обе стороны виднелись укромные балочки да левады, но было совершенно ясно, что с машиной туда не сунешься. Зато далеко впереди обрисовались правобережные днепровские кручи, после чего до шофёра дошло, что засевшие там немцы и впрямь могут пальнуть по его «эмке» из крупнокалиберного.

Колея привела-таки к неприметной балке, и шофёр осторожно, на тормозах, спустил «эмку» вниз. Здесь уж подавно гнать не приходилось, да и ехать пришлось недолго. Метров через двести узкую дорогу перегораживал импровизированный шлагбаум, и «эмка» остановилась. К машине подошёл начальник КПП и, представившись, отчего-то довольно долго изучал

документы. Потом, отойдя в сторону, куда-то позвонил. Только после этого легковушку пропустили.

На полковом КП особиста встретил дежурный по штабу, и сам взялся проводить гостя. При этом особист с удивлением заметил, что их сопровождает не менее пяти довольно хмурых вооружённых бойцов. На КП, прятаясь под деревьями, было довольно много народу, но эти пятеро следовали за особистом неотступно, пока дежурный не привёл всех к землянке командира полка.

Правда, в землянку особист зашёл уже один и с порога представился.

– Старший лейтенант Белозубов. Особый отдел.

Сидевший за столом командир полка, молча и как-то подозрительно начал приглядываться к особисту.

– Чего глядишь, майор?.. Больно старый? – особист снял фуражку и пригладил начинающие сесть виски.

– Не без этого, – честно ответил комполка и вроде как став любезнее, пригласил: – Садись.

– Благодарствую. – Особист сел на придвинутую у стола грубо сколоченную табуретку и начал осматриваться.

Землянка выглядела просторной. Стены были обиты ещё не успевшим потемнеть горбылём, и на одной из них висела сдвижная матерчатая занавеска, наверняка скрывавшая карту местности с указанием всех опорных пунктов. Глядеть на неё особисту было незачем, он прекрасно знал, что дивизия занимает сорок километров по фронту и создать прочную оборонительную полосу не может.

Кроме сидевшего за столом командира полка здесь находилось ещё несколько штабных, а в углу, в окружении четырёх полевых телефонов, сидел связист. Как раз тогда, когда особист кончил осматриваться, зажужжал зуммер одного из аппаратов. Связист схватил трубку и почти сразу протянул её майору.

– Товарищ комполка, Первый на проводе...

Командир взял трубку, минуты две слушал, а потом передал трубку сидевшему напротив особисту.

– Товарищ старший лейтенант, вас...

Особист первым делом дунул на мембрану и сказал:

– Старший лейтенант Белозубов, слушаю...

Какое-то время в землянке было тихо, и вдруг, нарушив общее молчание, особист неожиданно громко рассмеялся. Командир недоумённо воззрился на него, и тот перехватил его взгляд.

– Тебя... – Всё ещё ухмыляющийся особист передал трубку майору.

Сначала командир полка слушал, потом бодро ответил:

– Так точно, бдим, товарищ полковник! – И, положив трубку, совсем иначе посмотрел на особиста. – Извините, товарищ старший лейтенант, тут всякое может быть. Оттого и стережёмся...

– Это выходит меня ещё там, на вашем КПП, за шпиона приняли? – весело фыркнул особист.

– Больше того, – улыбнулся майор. – За бывшего белогвардейца.

– Это ж отчего так? – с усмешкой поинтересовался особист.

– Ну, во-первых, само собой возраст. Опять же фамилия на эту мысль наталкивает. А, с другой стороны, эмигранты они и по-русски говорят чисто, и порядки наши будь здоров знают, так что это тебе не какой-нибудь там немчик, – уже серьёзно пояснил майор.

– Значит, как я понимаю, какой-никакой опыт уже есть? – констатировал особист, отдал трубку телефонисту, глянул на чем-то занятых штабников и вздохнул: – Не слишком ли здесь душновато, майор?

– Так мы и на свежем воздухе переговорить можем, – комполка понял, на что намекает особист, и первым поднялся из-за стола.

Вдвоём они вышли из землянки, остановились чуть в стороне, и тут особист, явно изда- лека начиная нужный разговор, спросил:

– Как оборона?

– Оборона?.. – Майор секунду помолчал и рубанул напрямик: – Из дырок от бублика оборона! Одна надежда: Днепр здесь широкий, на другом берегу подъезды плохие, так что вряд ли они рискнут форсировать.

– А если рискнут? Я полагаю, на участке в сорок километров подходящее местечко най- дётся, – особист упёрся взглядом в командира полка.

– А рискнут, соберём всё, что есть. Да и места возможной переправы мы контролируем особо.

– Добро, – особист кивнул.

По тону чувствовалось, что майор говорит о давно продуманном, и особист перешёл к делу:

– Майор... Мне сказали, ваша часть отходила от самой границы. Там, говорят, всякое было. Может, расскажешь о личных впечатлениях?.. Очень надо...

– Во всех грехах виноватить будешь, или как? – весь напрягшись, угрюмо спросил майор.

– В чём же тебя виноватить? – попробовал успокоить его особист. – Ты и командиром полка-то без году неделя. Нам разобраться приказано...

– Что, вот так могу всю правду? – засомневался майор. – А ты за это меня потом не того?..

– Ни в коем разе, – похоже, искренне заверил его особист и вздохнул: – От правды и так никуда не деться...

– Ну, тогда слушай... – Майор, явно собираясь с мыслями, помолчал и только потом заговорил: – От той внезапности неразбериха получилась. Кто вперёд идёт, а кто с перепугу и назад подался. Было – ударим по немцу, а он, глядишь танками обошёл. Вот и решай, то ли отходить, то ли помощи ждать. Чтoб врага сдержать, сплошной фронт нужен. А где немец уда- рит, попробуй угадай. Опять же в чистом поле под бомбами и снарядами не больно-то усидишь.

– Подожди, – прервал майора особист. – Это я и так знаю. Ты мне скажи, как люди войну восприняли.

– А кто как, – сердито хмыкнул майор. – И оборонялись, и в тыл драпали, а кто и просто сбегал. Наш комдив вообще только матерился. Говорил, как все эти местные домой посмыва- ются, остальные воевать будут. Может, оно и так, поскольку одно желание точно имелось.

– Это какое же? – заинтересовался особист.

– До старой границы дойти стремились. Думали, там остановим.

– Ну а там, когда дошли, как было?.. Комдив-то не ошибся? – продолжал выпытывать особист.

– Как-как... – не сдержавшись, майор выругался. – Дошли, а в дотах тяжёлого оружия нет. Ладно свои пулемёты затащили. Так ведь и из тыла новые части не подошли, чтоб оборону занять. В общем, опять не удержались и снова отходить начали, теперь уже прямо к Днепру...

– К Днепру... – повторил особист и вздохнул. – Вот только дошли не все. Ты про Зелёную Брамму слышал?

– Не особо, нас же не информировали, – майор нахмурился. – Знаю, что там наших окружили...

– Не только окружили, – особист как-то весь подобрался. – Их командующий гене- рал-майор Понеделин в плен угодил. Про него ты ничего не слыхал?

– Что я, по-твоему, мог такого слышать? – сердито фыркнул майор. – Где командующий, а где я.

– Не скажи... – покачал головой особист. – Снизу оно порой больше видно. Небось знаешь, как бойцы промеж себя говорили, что генералы предали?

– Пропаганда немецкая! – неожиданно горячо возразил майор. – Там, как мы драпали, разное было. Порой машину останавливаешь, а из неё по нашим стрельба. Думаю, то немцы были. Они, наверно, и приказы на отход ложные отдавали...

– Кстати, о приказах, – особист доверительно взял майора за рукав. – Тут недавно в соседней дивизии целый полк с позиции снялся. Говорят, приказ кто-то из штабных доставил. Ну, ясное дело, полк назад вернули, а как спохватились штабника искать, его и след простыл. Смекаешь теперь, к чему я веду?

– А как же. – Майор неожиданно усмехнулся. – Забыл, что ли, какую мы тебе проверку учинили?

– Да не забыл. – Особист тоже улыбнулся и уже серьёзно закончил: – Со мной вы, конечно, малость загнули, но в общем поступили правильно. Сейчас главное – бдительность, уразумел?

Командир полка энергично кивнул. По тону особиста он безошибочно понял, что тот приехал в полк именно поэтому...

Много позже, когда, наконец-то покончив со всеми неотложными делами, особист в своей «эмке» ехал обратно, едва только легковушка на этот раз беспрепятственно миновала полковой КПП, как водитель облегчённо вздохнул. Потом, зачем-то глянув назад, пробормотал:

– Ну, кажись, пронесло... – и даже прибавил газу.

Особист недоумённо посмотрел на бойца и спросил:

– Ты это к чему?

– Да к тому, – всё больше разгоняя «эмку», водитель примолк, вглядываясь в замаячивший впереди выезд из балки и, лишь одолев подъём, коротко пояснил: – Что обошлось, выходит...

– Да что обошлось? – рассердился особист. – Ты говори толком!

– А вы разве не знаете? – удивился боец и обстоятельно пояснил: – Как вы в штаб пошли, ко мне цепляться начали: откуда, да чего, да почему. Да отчего «эмка» драная. Вроде как не по чину. В общем, подозревать начали.

– Вон оно что... – Особист вспомнил, как его самого встретили, и усмехнулся. – Ну проявили ребята бдительность, чего тут такого.

– Ага. – Боец как-то странно покосился на старшего лейтенанта. – Вы вот на фронте недавно, а я от самой границы. А там ежели прицепятся да чего заподозрят, могли запросто шлёпнуть, как шпиёна. Такое бывало, знаю...

– Вот даже как... Ну нет, мы это дело прекратим, – особист нахмурился и, уйдя в себя, стал смотреть на дорогу.

* * *

Судя по всему, огневая позиция была выбрана удачно. Фронт батареи уже построили, и старая лесная просека, значительно уширенная недавней вырубкой, открывала перед ним хороший сектор обстрела. Сами же орудия, со всем тщанием замаскированные свежесрубленными ветками, напоминали кусты, и вряд ли недавно пролетававший над лесом немецкий самолёт-разведчик что-то заметил.

Командир батареи старший лейтенант Бахметьев, только что приехавший с наблюдательного пункта, придирчиво осматривал позицию. Вроде бы всё уже было сделано. Левей первого

орудия виднелся ровик телефониста, снарядные ниши были вырыты, а между деревьев просматривались готовые подъездные пути, позволявшие без задержки подать тягачи к орудиям.

Бахметьев остался доволен увиденным, но всё-таки строго посмотрел на стоявшего рядом командира второго огневого взвода:

– Веер?

– Веер построен! – доложил младший лейтенант.

– А охранение? – напомнил командир.

– Выставлено! Я проверял лично, – заверил взводный.

– Добро, – кивнул Бахметьев и хотел ещё что-то сказать, но его отвлек шум мотора подъехавшей полуторки.

Бойцы, сидевшие в кузове грузовика, начали прыгивать на землю, а из кабины вылез лейтенант и, увидев стоявшего у первого орудия командира батареи, поспешил к нему. Это возвратился с огневым разъездом выезжавший для рекогносцировки старший на батарее, и едва он приблизился, Бахметьев, не ожидая уставного доклада, дружески поинтересовался:

– Ну как, нашлось что-нибудь?

– Так точно! – лейтенант улыбнулся и доложил по всей форме: – Выбрано две запасные позиции, одна в километре, другая в двух. Думаю, направить туда людей, провести кое-какие подготовительные работы.

– Правильно, – одобрил предложение лейтенанта Бахметьев. – Похоже, мы тут будем стоять, пока фронт не уплотнится. И ещё, эту рабочую команду подошли на мой НП. Пусть «воронье гнездо» сварганят.

– Это ещё что такое? – удивился лейтенант.

– Да надо бы настил из досок на дереве соорудить и лестницу к нему. Чтобы противоположный берег лучше просматривался.

– А-а-а, ну да, – улыбнулся лейтенант. – Тогда и прицельно стрелять можно, а то нам пока приказано только к заградительному огню готовиться.

– Да, сейчас это главное, – подтвердил Бахметьев. – Наш командир дивизии считает, что немцы здесь могут попытаться Днепр форсировать.

Командиры замолчали, и тогда, выждав некую паузу, младший лейтенант вопросительно посмотрел на Бахметьева:

– Раз стоять долго, может, щели выроем? А то вдруг налёт?

– Дело говоришь, пошли сразу глянем, где рыть, – и командир батареи вместе с обоими лейтенантами направился ещё раз осматривать позицию.

Они ещё только прошли вдоль всего фронта батареи, как на лесной просеке затрещала штабная мотоциклетка. Боец в кирзовой тужурке заехал прямо на позицию, тормознул возле остановившихся командиров и, приподнявшись в седле, даже не глуша двигатель, обратился к Бахметьеву:

– Товарищ старший лейтенант! Вам приказано быть в штабе в 16.00!

– А в чём дело? – попытался выяснить Бахметьев, но мотоциклист только отрицательно помотал головой.

– Не знаю, приказано оповестить всех! – И он, опустившись в седло, газанул так, что за мотоциклом потянулся голубоватый дымок.

Бахметьев прибыл в штаб дивизии точно к назначенному времени. Он хотел было разыскать Астахова, чтобы разузнать, чем вызван сбор, но не успел: майор с красной нарукавной повязкой дежурного принялся командовать, и почти сразу возле большой палатки, выстроившись «покоем», собрались штабники вместе со специально вызванными сюда командирами отдельных подразделений.

Дежурный закончил построение, и почти сразу из палатки вышли пятеро. Впереди шёл командир дивизии, рядом с ним полковой комиссар, следом ещё трое, и по рядам сразу прошелестело:

– Представитель... Из штаба фронта... С сопровождающими...

Комдив вышел на середину, и только тогда, ждавший этого дежурный, раскатисто гаркнул:

– Сми-и-р-р-р-но!

Строй замер, шёпот мгновенно прекратился, и комдив, отступив в сторону, дал возможность выйти вперёд полковому комиссару. Тот обвёл строгим взглядом шеренги и громко выкрикнул, взяв неожиданно высокую ноту:

– Товарищи!.. Мне поручено довести до вашего сведения приказ № 270! Приказ подписан Председателем ГКО товарищем Сталиным, его заместителем Молотовым, маршалами Будённым, Ворошиловым, Тимошенко и генералом армии Жуковым!

Значимость названных фамилий ошарашила всех стоявших в строю командиров. Одно это ясно давал понять, на каком уровне подписан приказ и какова мера ответственности за его исполнение. А полковой комиссар снова обвёл взглядом строй, выждал многозначительную паузу, развернул бывший у него в руках лист бумаги с отпечатанным на ротаторе текстом приказа и, несколько снизив голос, принялся внятно зачитывать общую часть.

В ней без всяких прикрас давался анализ сложившейся обстановки и даже для примера отмечались достойные действия группы Поппеля. Зачитав вводную, полковой комиссар снова взвинтил голос и объявил суть:

– Командиры и политработники, срывающие свои знаки различия и сдающиеся в плен, считаются злостными дезертирами, и их семьи подлежат аресту!..

Уже первый пункт произвёл на всех гнетущее впечатление. Дальше грозный приказ предписывал попавшим в окружение сражаться до последней возможности, а заодно снимать с должности, переводить в рядовые, и даже расстреливать командиров, не руководивших боем или проявивших трусость. Тот же приказ объявлял дезертиром сдавшегося в плен генерал-майора Понеделина, что для многих было неожиданной новостью и вызвало шок.

Приказ был дочитан в полной тишине, и даже всегда столь ожидаемая команда: «Разойтись!» не вызвала привычного оживления. Командиры молча расходились по своим делам, и погружённый в свои мысли Бахметьев не сразу заметил спешившего к нему Астахова, которого так хотел увидеть перед построением.

– Ты сейчас куда? – озабоченно спросил капитан.

– Как куда? – пожал плечами Бахметьев. – К себе, на батарею.

– Задержись, поговорим... – предложил Астахов.

– Чего говорить... – Бахметьев вздохнул. – В приказе всё сказано.

– Ну да, – согласился Астахов и неожиданно пояснил: – Только, понимаешь, один из сопровождавших комиссара – мой давний приятель. Он кое-что рассказал...

Бахметьев внимательно посмотрел на Астахова. Было ясно, капитану хочется высказать своё мнение, и как-то сразу установившиеся между ними доверительные отношения располагали к этому. Старший лейтенант немного подумал и кивнул:

– Ладно, пошли...

Капитан привёл Бахметьева в свою палатку, стоявшую несколько на отшибе от прочих. Крона ближнего дерева давала густую тень, и днём брезент не особо нагревался, так что сейчас, ближе к вечеру, тут было даже комфортно. Внутри палатки всё выглядело по-спартански: раскладушка, покрытая солдатским одеялом, стол из прибитых к козлам досок и рядом чурбачок вместо стула. Астахов сел на раскладушку, показал гостю на чурбачок и надолго замолчал. Бахметьев уже сам собрался заговорить, когда капитана вдруг словно прорвало. Глядя куда-то в сторону, он возмущённо сказал:

– Это что ж получается?.. Если меня или тебя раненого в плен захватят, то родных наших, что, под арест?.. За что?

– А если сам в беспамятстве будешь, то и застрелиться не получится... – поддержал Астахова Бахметьев.

– Ага. Вот только кто начальству доложит, как оно было? Опять же немцы бахвалятся, что они уйму наших в плен взяли. Это ж скольких теперь пересажать должны? Нет, такое в голове не укладывается... Опять же с бойцов какой спрос, если их всякие Понеделины в котлы загоняли. – И не имея больше, слов Астахов закончил фразу трёхэтажным матом.

Бахметьев полностью разделял его чувства, однако, не желая продолжать разговор в том же духе, несколько отстранённо спросил:

– Это про какие котлы речь?

– Какие? А такие. Я ж тебе говорил, мне мой товарищ порассказал кое-что. – Астахов только сейчас посмотрел на Бахметьева. – Слушай, ты про Зелёную браму что-нибудь знаешь?

– Какая ещё брама? – удивился Бахметьев.

– Есть такое место, под Уманью. Это там войска Понеделина в окружение попали. Всего каких-то тысяч десять из котла к своим вырвались. Товарищ сказал, им надо было на юг прорываться, там у немцев вроде как разрыв был, а им приказали на восток...

– Вот, значит, за что Понеделин в приказ попал... – Бахметьев сокрушённо вздохнул и, словно ища подтверждения, вопросительно глянул на капитана.

– Немцы по своему радио развонили, что будто они там сто тысяч в плен взяли, – добавил к сказанному Астахов и заключил: – Вот такие дела...

Командиры понимающе переглянулись, и Бахметьев сказал:

– Да... И генерал, значит, предать может. Да если б эти сто тысяч за Днепр вышли, то... – Старший лейтенант не договорил, он уже знал, в какую тонкую нить растянулась прикрывавшая берег дивизия.

– А ты что хотел? Думаю, не один Поппель из окружения вырвался, и, видать, не один Понеделин предал. – Астахов снова зло выругался, и его опять прорвало: – Нет, неслучайно наши бойцы в голос кричали, что генералы предали.

– У нас тоже, как только мы на фронт прибыли, кое-кто так же считал, – поддержал его Бахметьев. – Только политруки уверяли, будто это враги слухи распускают. А раз в такой приказ попало, выходит правда...

– Так или нет, а мы с тобой всё равно за нашу Россию воевать будем, – несколько странно подытожил разговор Астахов и, нагнувшись, достал из-под кровати выпитую на треть бутылку «Московской».

Не чинясь командиры по очереди отхлебнули прямо из горла, потом какое-то время сидели молча, а когда так и не успевшему за весь день пообедать Бахметьеву хмель ударил в голову, старший лейтенант спросил:

– Скажи, капитан, отчего ты Союз сейчас Россией назвал?

– А разве это не так? – тоже слегка охмелевший Астахов в упор и как бы испытывающе посмотрел на Бахметьева.

Старший лейтенант выдержал взгляд капитана и вдруг сказал:

– Мой отец мне тоже всегда говорил: «Наша Россия»...

– И мой... – коротко отозвался Астахов.

Больше командиры не сказали ни слова, а когда водка была допита, дружно поднялись и вышли из палатки...

* * *

Батарея 2-го дивизиона легкоартиллерийского полка на конной тяге медленно ползла по раскисшему от ночного дождя просёлку. Ездовые, где только можно, гнали упряжки рысью и уставшие за время долгого марша лошади сейчас еле тащились. Да и сами бывшие при орудиях номера пристально вглядывались в серую муть, надеясь углядеть хоть какое-нибудь строение, не без основания полагая, что они спешат к какому-то важному пункту.

Ехавший верхом впереди колонны командир дивизиона каждый раз при появлении нужного ориентира прикрывал от висевшей в воздухе мороси полый плаща карту и на всякий случай проверял верность маршрута. До конечной точки оставалось ещё километров десять, когда наконец по обе стороны дороги показались хаты, и командир, ещё раз сверившись с картой, прикинул, не дать ли коротенький отдых и лошадям, и людям.

Однако задержка вышла сама собой. Занимая всю ширину сельской улицы, навстречу батареей колонне повалил тыловой обоз. Местами шедшие в два ряда военные фуры, не попадая колёсами в глубоко выбитую сельскими телегами колею, то и дело кренились, угрожая завалившись набок, перекрыть проезд. Командиру дивизиона оставалось только вполголоса материться, ожидая, пока спешивший к днепровской переправе обоз освободит дорогу.

Наконец последняя фура проехала, и капитан с облегчением дал команду продолжать движение. Малость передохнувшие лошади пошли веселей, и батарея, довольно быстро миновав село, выбралась за околицу. Пока колонна пережидала обоз, дождь кончился, ветерок разогнал морось, и командир, осматривавший поле, вдруг увидел, как опять-таки навстречу несётся одинокий всадник.

Подскакав ближе и разглядев занятую дорогу, верховой резко осадил коня. Неотрывно следивший за ним командир дивизиона обратил внимание на то, что подъехавший сидит «охлюпкой» и, заметив волочившиеся под пузом коня обрубленные постромки, сердито прикрикнул:

– Откуда, драпальщик?

– Товарищ капитан!.. – вконец расхристанный боец испуганно дёрнулся, попытался застегнуть распахнутый настежь ворот и только после этого выпалил: – Танки!.. Немецкие!

– Где? – опешил командир батареи.

– Там... – Боец неопределённо махнул рукой себе за спину.

В это время успевший подъехать к ним и всё слышавший командир 1-й батареи деловито спросил:

– Товарищ капитан, где будем разворачивать фронт?

– Какой на хрен фронт?.. Если этот драпальщик не врёт, – командир кивнул в сторону беглеца, – немецкие танки на подходе.

– Значит, делаем засаду? – догадался лейтенант.

– Да, – подтвердил командир и приказал: – Рассредоточить орудия, укрыть за плетнями, клунами и сараями. Упряжки отвести за село и все сколько есть бронебойные снаряды выложить.

– Есть! – лейтенант дал было коню посыл и вдруг сразу же резко осадил. – А рекогносцировка, как же?..

– Да чего гадать, – махнул рукой капитан. – Коню понятно, немцы по дороге идти будут... Ты вот что, давай тут сам, а я пока проскочу во вторую и третью, батареи предупредить...

Командир дивизиона потянул повод, чтобы развернуть коня, но его остановил так и торчавший на дороге беглец.

– Товарищ капитан, а как же я?.. Могу ехать?

– Ты?.. – командир немного подумал и решил: – Да поезжай, драпальщик. Доскачешь до моста, сообщи коменданту переправы. Мол, немцы на подходе, и ещё передай, что мы тут пушками дорогу перекрыли.

Боец обрадованно кивнул, дал шенкеля и поскакал обочиной, а командир дивизиона, сомневаясь, дойдёт ли сообщение, проводил гонца взглядом, а потом затрусил следом, объезжая уже начавшие рассредоточиваться орудия батареи. Лошади под зычное гиканье ездовых стаскивали пушки с дороги, номера торопились за ними, и командир дивизиона пришпорил коня. Капитан спешил, чтобы за имеющееся ещё в запасе время успеть рассредоточить подходившие на рысях вторую и третью батареи.

Тем временем первая батарея закончила оборудовать позиции, но немцы всё не появлялись, и укрывшийся за плетнём лейтенант начал подумывать, что беглец наврал, однако это оказалось не так. Сначала донёсся постепенно нарастающий слитный гул моторов, а потом из недалекого леса начали выползать танки. Лейтенант поднял бинокль и принялся считать вражеские машины. В поле зрения попало по меньшей мере двадцать танков с крестами на башнях.

Окинув взглядом замаскированные орудия своей батареи, лейтенант поднял руку и громко крикнул:

– Внимание!.. – а затем, снова прижав окуляры к глазам, стал следить за неумолимо приближающимися танками.

Как сразу определил лейтенант, всё это были средние Т-3. В бинокль хорошо просматривались и грязь, заляпавшая корпус головного танка, и блеск вытертых траков, наматывавшихся на ленивец, и чуть повёрнутая в сторону пушка, и возвышавшаяся над боковым люком, похожая на стопку металлических блинов, командирская башенка.

Лейтенант хотел было приказать, чтоб танки подпускали как можно ближе, но неожиданно со стороны села грохнул первый выстрел. Это не выдержал командир второго орудия, спрятанного за сараем стоявшей на отшибе усадьбы. Наводчик второпях промахнулся, зато головной танк, довернув башню, тоже выстрелил, и от крыши сарая во все стороны полетели обломки.

Теперь дружно начали стрелять и другие пушки, однако сначала попаданий не было. Прошла, наверно, целая минута непрерывной пальбы, прежде чем один танк дёрнулся и с перебитой гусеницей закрутился на месте. Почти сразу в его подставленный борт угодил второй снаряд, подбитый танк замер, и над его башней высоко взметнулся огромный закручивающийся язык пламени.

– Есть! – радостно выкрикнул лейтенант и в порыве чувств стукнул рукой с зажатым в ней биноклем по плетню.

Но тут, словно в отместку, на второе орудие, открывшее огонь первым, обрушился град танковых снарядов. Немцы стреляли точно. Командиру батареи без всякого бинокля было видно, как дымные клубки разрывов сорвали хилую маскировку и почти сразу один из снарядов угодил точно в щит. После прямого попадания пушка замолчала, и лейтенант бросился туда.

Пока спешивший к подбитому орудию лейтенант перебегал от хаты к хате, по нему не стреляли, но когда до завалившейся набок пушки оставалось совсем близко, рядом с ним хлестнула пулемётная очередь. Каким-то шестым чувством уловив опасность, лейтенант мгновенно залёг, а потом, буквально вжимаясь в землю, по-пластунски добрался к ближайшему укрытию.

Осторожно выглядывая отсюда, он попытался рассмотреть уничтоженную взрывом позицию второго орудия. Утешительного было мало. Искорёженный щит загнулся далеко назад, торчал так и оставшийся открытым затвор, и, уж ясное дело, прицел разлетелся вдребезги. Вдобавок правое колесо отлетело неизвестно куда, и перекошенный лафет даже немного приподнялся.

Рядом с подбитой пушкой никого из орудийного расчёта не было видно, и командиру оставалось предположить, что либо все погибли, либо оставшиеся в живых, бросив позицию, сбежали в тыл. Пока лейтенант прикидывал, как поступить, оттуда, где укрывались остальные орудия, раздались подряд несколько выстрелов, и ещё один танк, окутавшись дымом, замер на месте.

Из него выскочили двое уцелевших танкистов и, то припадая к земле, то петляя, как зайцы, побежали назад к лесу. От досады лейтенант зло выругался. Если бы в его распоряжении имелся хотя бы один ручной пулемёт, то обстреляв этих удирающих немцев, можно было или подстрелить кого-то из них, или хоть показать, что у батареи есть пехотное прикрытие.

Улучив момент, лейтенант стремглав перебежал к разрушенному, начавшему гореть сараю и замер. Наводчик с разmozжённой головой полусидел, упершись мёртвым плечом в искореженный щит, а сержант, командир орудия, оставался на своём месте, но не стоял, а лежал навзничь, глядя остекленевшими глазами в небо. Его правая рука, согнутая в локте, так и осталась приподнятой, будто он всё ещё собирался подать команду...

Лейтенант пошарил вокруг взглядом, проверяя, нет ли ещё убитых, и больше никого не увидев, понял, что сейчас на позиции он один. Подбитая пушка к стрельбе была явно непригодна, и тогда командир батареи, забыв об опасности, напрямик помчался к третьему орудью, продолжавшему вести, судя по паузам между выстрелами, прицельный огонь.

Перескочив на бегу какой-то плетень, лейтенант оказался рядом с позицией. Он уже видел людей возле пушки, машинально отметив, что расчёт вроде бы цел, как вдруг между ним и орудием вырос огненный столб. Он ещё успел понять, что это разрыв танкового снаряда, но его куда-то отшвырнуло взрывной волной, сознание уплыло, и всё вокруг охватила темень...

Когда лейтенант открыл глаза, он не сразу понял, где находится. Ему показалось, что его беспмятство длилось недолго, но рядом не было видно орудийной позиции. Не было и орудия. Вместо него лейтенант увидел круп лениво помахивающей хвостом крестьянской лошадки. Сообразив, что он лежит на телеге, лейтенант с трудом приподнялся и начал осматриваться.

Увидев стоявшего неподалеку обычного сельского мужика, командир батареи попытался его окликнуть, но голоса не было, и лейтенант, поняв, что позвать никого не может, бесильно откинулся на соломенную подстилку. Зато мужик, приметив, что лейтенант шевельнулся, громко позвал:

– Хлопцы, ваш командир до тямы пришов!²

Из-за хаты, возле которой стояла телега, выскочили несколько бойцов и подбежали к лейтенанту. Были они без касок, в изодранном обмундировании, а у сержанта, в котором лейтенант с трудом узнал командира третьего орудия, на лице ещё оставались следы толком не смытой копоти. Оглядев собравшихся у телеги, лейтенант еле слышно спросил у сержанта:

– Это все?..

– Не знаю я, товарищ лейтенант, – пожал плечами сержант. – Может, и ещё где-то прячутся...

– Целые орудия есть?

– Не, наши позиции в крошево. Немцы как навалились, мы еле ушли. Но и мы у них шесть танков подбили, сам считал, – с гордостью сообщил сержант.

– А со мной что?.. – Лейтенант снова попробовал приподняться.

– По всему выходит, контузия, а так вроде не ранены, – заверил сержант и обстоятельно пояснил: – Товарищ лейтенант, видать, вас там прямо возле нашей позиции снарядом шарахнуло...

² Пришёл в сознание.

Услыхав, что открытых ран нет, лейтенант, обрадовавшись, даже попробовал шевельнуться, но ничего толком не вышло, и он, снова обратив внимание на мыршавую лошадёнку, спросил:

– Этот-то скакун откуда?

– Да колхозный воз взяли, чтоб вас везти, – кивнул на телегу сержант и пояснил: – Мы к упряжкам побежали, а их нет. Мы туда-сюда, а селяне говорят, как немецкие танки наскочили, наши и погнали кто куда...

– Ясно... – Командир батареи прикрыл глаза, а сержант выждал и, понимая, что распросы кончились, обратился уже по уставу.

– Товарищ лейтенант, какие будут приказания?

– Приказания? – переспросил лейтенант и, заставив себя сосредоточиться, после короткого раздумья сказал: – Давай выводил на ту самую дорогу, по которой сюда шли. Там наши части на подходе должны быть. Ты только гляди в оба: у немцев за танками пехота идёт...

Стоявшие рядом бойцы услышали приказание, один из них разобрал вожжи, и послушная коняга тронула воз...

* * *

Эта ночь в штабе Юго-Западного фронта выдалась относительно спокойной. Из-за крайне напряжённой обстановки все офицеры, практически находясь на казарменном положении, работали круглосуточно, выкраивая на короткий отдых лишь несколько часов урывками. Даже во время бомбёжки работа не прерывалась, и многие командиры оставались на своих местах, не спускаясь в подвал здания, оборудованный под бомбоубежище.

Самая большая нагрузка приходилась на оперативный отдел, но как раз сегодня два офицера-направленца – майор Дёмин и капитан Седых – справились с работой на удивление быстро. Вышло так, что донесения с мест поступили в полном объёме и, обработав их, оба командира почти одновременно закончили готовить каждый свою информацию за истекшие сутки.

До утра ещё было время, и Дёмин, заговорщически кивнув капитану на дверь, направился к выходу. Седых немного помедлил, а потом тоже вышел в коридор, где его уже дождался майор. Как-то так получилось, что оба командира сошлись характерами и зачастую некоторое свободное время, оставаясь в штабе, они проводили вместе.

В коридоре царила прямо-таки ночная тишина, если, конечно, не обращать внимания на почти непрерывный стрекот телеграфных аппаратов «Бодо» из помещения связистов. Там полтора десятка девушек-бодисток не отрываясь, стучали по клавишам, передавая срочные приказы и сообщения.

Майор Дёмин прислушался к этой трескотне и вздохнул.

– Как они бедняги не устают?... Ведь всё печатают и печатают...

Капитан Седых тут же отозвался:

– Так за этим начальник связи самолично следит. У него девчата по графику отдыхают, а то, не дай бог, от переутомления перепутают что...

– Ну да, так и надо... – одобрил действия связиста Дёмин и спросил: – Ну что, пошли в комнату отдыха?

– Не... Разоспимся только, а там соображай спросонья, – возразил Седых. – Давай лучше в буфет, в утра ведь маковой росинки во рту не было...

– Дело говоришь. – И Дёмин, кивнув, первым начал спускаться по лестнице, выведившей прямо в специально выделенную комнату, где постоянно находились то одна, то другая буфетчица.

В эту ночь дежурила Дуся. Плотная, розовощёкая, несколько простоватого вида девушка сидела за стойкой на стуле и, привалившись щекой к шкафчику, дремала. Услыхав шаги, она встрепенулась и, увидев Седых радостно заулыбалась. Весь штаб был отлично осведомлён, что Дуся равнодушна к капитану. Вот и сейчас, сорвавшись со стула и наскоро прихорашиваясь, она спросила:

– Что будете?..

– Чаю бы горячего, можно?.. – улыбнулся ей Седых.

– А как же, вон, всё время грею... – И Дуся показала на пузатый, украшенный медалями самовар.

Раньше его в буфете не было, и Седых поинтересовался:

– Откуда такое чудище?

– Так, говорят, от прежних хозяев остался, – ответила Дуся и затараторила: – Вам с бутербродами?.. А ещё у меня и печенье есть... Хотите?..

– Давай всё... – распорядился Седых и отошёл к столику за которым, прикрыв глаза, уже сидел майор Дёмин.

Дуся не заставила себя ждать, и уже через пару минут всё было на столе.

Для начала командиры молча подкрепились бутербродами, а уже потом взялись за чай, который и впрямь оказался горячим. Придерживая левой рукой мельхиоровый подстаканник и помешивая ложечкой, чтобы сахар быстрее растворился, капитан неожиданно пропел вполголоса:

– «Двадцать второго июня, ровно в четыре часа»...

– Ты чего это распелся? – удивился Дёмин.

– Да так... – вынув из стакана ложечку, грустно протянул Седых. – Последнее время чего-то мысли всякие в голове бродят.

– Ну так поделись. – Майор пригубил и поставил стакан на стол, ожидая, пока чай малость остынет.

– Чем тут поделишься? – вздохнул Седых. – Я вот всё думаю, немцы войну 22 июня начали, а 11 июля они уже к Киевскому обводу подошли. Всего-то за двадцать дней. Это как?

– Ну, так зарвались немцы, – решил ободрить товарища Дёмин. – Они ж думали с ходу взять Киев. Ну и получили. Власов их враз отбросил.

– Я не о том, – покачал головой Седых. – Уверен, Киевский укрепрайон им не по зубам. Если б не некоторые обстоятельства.

– Ты имеешь в виду ту случившуюся поначалу неразбериху, когда наши части порой без приказа отступали, а кое-где, бросив доты, в тыл отошли? – для порядка дунув ещё раз, Дёмин принялся пить чай.

– Вот это-то как раз ясно, – отмахнулся Седых. – Если правде в глаза смотреть, бойцы деморализованы отступлением и стремятся за Днепр. Понимают, что река – преграда надёжная, закрепиться можно.

– Тогда что? – не понял майор.

– А то, что у границы случилось. Ведь там же сколько наших танков было... Это ж такая сила...

– Танки, говоришь? – Дёмин поставил и зачем-то отодвинул стакан. – Вот только на кой ляд их в такие кучи собрали...

– Как зачем? – возразил Седых. – Если целая тысяча танков враз навалится, это ж огого! Попробуй такую лавину остановить...

– Вот именно, что о-ого-го... – криво усмехнулся Дёмин. – Ты сам подумай, как такой массой управлять? Да они ж все дороги позабывают, и опять же я про кучи не зря говорю. У одних машин скорость восемьдесят км, а у других едва шестнадцать. Как же они вместе идти могут и на сколько км эта твоя тысяча растянется?

– И что, по-твоему? – несколько растерялся Седых.

– Да на мой взгляд, кое-что учесть бы не мешало, – хмыкнул Дёмин. – Ты ж, наверно, помнишь: Т-28 и Т-26 пехотные танки, КВ-2 может разбивать доты, а КВ-1 проломит любую оборону. Зато Т-34 и БТ-7 незаменимы при броске вперёд. Что же касается лёгких танков, это всего лишь подвижные пулемётные точки...

– Ишь, как всё по полочкам разложил, – усмехнулся Седых. – Вот только ты про Т-35 забыл. Их-то куда определишь?

– Ну куда, куда... – покачал головой Дёмин. – Их вроде бы всего-то штук шестьдесят. Но опять же, если такую махину в землю укрыть, то сверху пять бронированных башен будет, а это считай готовый дот. Поставь по фронту таких штук двадцать, да в окопах бойцов посади, вот тебе и готовая линия обороны. А если что, за ночь можно и передислоцироваться.

– Значит, по-твоему, оборона лучше? – спросил Седых.

– Это когда как... – задумался Дёмин.

– Ну да... – Седых немного подумал. – А помнишь, в самом начале, как немец напал, на фронтовом уровне решали, как действовать?

– Помню, – зло скривился Дёмин. – Начальник штаба Пуркаев был за постепенный отход, а член Военного совета корпусной комиссар Вашугин настаивал, чтоб непременно вперёд. А потом приказ сверху: «Даёшь Люблин». Вот и дали... Результат, так сказать, налицо...

– Да уж, Вашугин застрелился, а мы здесь, в Киеве... – горестно подытожил Седых и, взяв стакан, принялся допивать остывающий чай.

В разговоре возникла весьма долгая пауза, и, только покончив с чаепитием, капитан задумчиво сказал:

– Может, то, что ты говоришь, возможно, и правильно, но всё-таки я думаю важнее всего связь. Ну, посуди сам. Будь у группы Поппеля связь с корпусом Рокоссовского, они могли там, под Дубно, ударную группу отсечь, и тогда немецкие танки, оставшись без горючего и снарядов, просто бы встали.

– Ну да. Если бы, да кабы... – с сомнением покачал головой Дёмин. Но немного подумав, всё-таки согласился с мнением капитана: – Оно, конечно, со связью у нас не ахти. Сведения порой запаздывают, но и другое есть. В донесениях, что к нам приходят, одно, а на самом деле...

– Да уж, это ты верно заметил, – невесело усмехнулся Седых. – Что-то мне кажется, кое-кто из наших генералов песенку «Всё хорошо прекрасная маркиза» порой исполнять пробует...

Разговор сам собой снова прервался, и тут неожиданно в буфет заскочил дежурный по штабу. Увидев Дёмина и Седых, он распорядился:

– Нечего тут сидеть... Живо к себе!

Тон дежурного не предвещал ничего хорошего, и Дёмин с Седых, понимающе переглянувшись, поспешно выбрались из-за стола. Догнав ушедшего вперёд дежурного, Дёмин спросил:

– Что-то серьёзное?

– Толком не знаю, мне не докладывали, – на ходу ответил дежурный и добавил: – Только я сам слышал, как Кирпонос бил кулаком по столу и кричал: «Как можно было допустить такое?!»

– Неужто, даже командующий разгневался?.. – удивлённо произнёс Дёмин и поспешил за торопившимся дежурным.

Хладнокровие и невозмутимость генерал-полковника Кирпоноса были хорошо известны каждому штабнику, и если командующий настолько вышел из себя, значит, должно быть, произошло что-то из ряда вон выходящее...

Командиры заторопились и успели как раз вовремя. Полковник, начальник оперативного отдела, стоял посередине комнаты и левая щека его нервно подрагивала.

Увидев вошедших Дёмина и Седых, он кивком приказал им пройти на свои места и только после этого заговорил:

– Получено срочное сообщение, что немецкие танки наносят сильный удар в районе Окуниново. Там как раз стык между 5-й армией и 27-м корпусом. Видимо, немцы сумели его нащупать. Командир корпуса имел предписание выслать туда достаточные силы. Что и как там сейчас – неизвестно, достоверных сведений нет. Но только что получено донесение, что мост через Днепр захвачен противником.

– Но он же заминирован, – не выдержал и произнёс вслух Седых.

– Так, заминирован, – подтвердил полковник, и его щека в очередной раз дёрнулась. – Начальник переправы запрашивал разрешение на подрыв моста. Причём дважды. По телефону и телеграфу. И оба раза связь прерывалась. Может, начальник переправы не решился взять на себя ответственность, а может...

– Может, диверсанты?.. – вполголоса предположил Дёмин.

– Думаю, вполне возможно, – согласился полковник. – Непонятно, что сейчас происходит в районе моста. Сведения крайне противоречивые. Но то, что немцы попытаются создать плацдарм, совершенно точно.

Стоявшие у своих столов командиры промолчали. Того, что сейчас сообщил полковник, было достаточно, и они знали, что от них требуется. В том же был уверен начальник оперативного отдела, а потому он, не добавив больше ни слова, провёл рукой по щеке и вышел.

* * *

Жаркий августовский день кончился. Вялая перестрелка прекратилась. На окопы, землянки и хода сообщения, врывшиеся в днепровский берег, наконец-то снизошла вечерняя прохлада. От широкого речного плёса потянуло свежестью, и по прошествии времени вокруг установилась вроде бы первозданная тишина, не нарушаемая ни единым выстрелом. Вызвездив тёмное небо, ночь вступила в свои права, и казалось, что больше ничего неожиданного не произойдёт.

Занимавшая левый берег дивизия, растянувшись по фронту на целых пятьдесят четыре километра, смогла выстроить только очаговую оборону. Что же касалось нескольких островов на левом фланге, отделённых неширокой протокой, то туда выслали лишь по роте бойцов, посчитав такую предосторожность вполне достаточной. Никаких переправ поблизости не было, и командование, нарезав дивизии такую широкую полосу, особых опасений не испытывало.

На самом большом из этих островков, близ уреза, в ложбинке, спускавшейся к самой воде, затаились ефрейтор и младший сержант. Подстелив собственные шинели, бойцы лежали прямо на земле и наблюдали за раскинувшимся перед ними плёсом. Это были уже понюхавшие пороха старослужащие, и потому именно их командир выслал в секрет с приказом всю ночь быть настороже.

– Благодать-то какая! – Ефрейтор потянул носом свежий воздух и неожиданно предложил: – Слышь, сержант, может, кемарнём маленько по очереди, а?

– Я те дреману! Нам следить велено. А то вдруг с той стороны сунутся, – строго осадил его сержант.

– Да кто сюда полезет? – хмыкнул ефрейтор. – Ночь ведь, и на реке всё видать аж до того берега.

– Вот-вот, тебе б только дрыхнуть, – проворчал сержант. – Слышал, что командир говорил? Намедни ночью германская разведка к соседям заскакивала. Подлетели на моторках и только вылезать, а тут наши как дали... Но, полагаю, неспроста они на тот остров сунулись...

– Оно, конечно, можно и бдеть... – согласился ефрейтор, которому после слов сержанта спать как-то расхотелось.

Минут двадцать бойцы напряжённо вглядывались в противоположный берег, но за рекой всё было спокойно, никакого шевеления не замечалось, да и огоньки до этого мелькавшие то там, то там вроде как исчезли.

– Затаились, стервы... – выругался ефрейтор.

– То-то и оно, что тихо... Только германец, он хитрый. Не иначе, какой пакости под утро ждать надо, – согласился сержант, и оба бойцы, уже не помышляя о сне, насторожились.

В напряжённом молчании прошёл примерно час, прежде чем ефрейтору показалось, что где-то там, под тёмным откосом, мелькнул огонёк, и он тут же толкнул локтем сержанта.

– Смотри. Там на берегу вроде кто-то...

– Да смотрю, смотрю... Похоже, зашевелились-таки, – отозвался сержант и, чтобы лучше видеть, приподнялся.

Да, какое-то шевеление там точно возникло. Разглядеть что-нибудь пока не удавалось, но стлавшиеся над водой весьма характерные шумы, явно возникнув на том берегу, легко достигали острова. Сержант напряжённо вглядывался в темень дальнего откоса, но, видимо, обладавшим более острым зрением ефрейтор заметил там движение первым и громко прошептал:

– Идут...

Сержант протёр глаза и увидел, как под тем берегом стали возникать тени, приобретающие всё более ясные очертания. Что это там плывёт, разглядеть толком не удавалось, и ефрейтор всё тем же шёпотом предположил:

– Вроде как баркасы какие-то...

Но сержант, сразу вспомнив, что им говорил командир на последнем инструктаже, уверенно сказал:

– Наверняка моторки немецкие... Только, видать, поперва на вёслах идут. – И принялся считать вслух: – Одна, две, три...

– Ясное дело, теперь нас разведать решили, – согласился ефрейтор и уже в полный голос сказал: – Давай, сигнал...

Сержант взял лежавшую рядом ракетницу и выстрелил. Шипя и оставляя за собой дымную полосу, ракета поднялась высоко вверх, чтобы там, уже на излёте, рассыпаться ярко-красным искромётным клубком. Сигнал общей тревоги наверняка поднял на ноги роту, оборонявшую островок, но и немцы, видимо, поняли, что скрытно подойти не удастся.

С той стороны послышался всё усиливающийся шум двигателей, движущиеся тени стали приобретать более ясные очертания, и находившиеся в секрете сержант с ефрейтором совершенно чётко увидели, как большие надувные резиновые лодки с десантом понеслись через Днепр прямо к острову. Теперь их подвесные моторы уже ревели во всю мощь, и от носа каждой лодки, оставлявшей за кормой белопенную полосу, в обе стороны расходились волновые «усы».

– Сержант, это не разведка, это штурм! – испуганно крикнул ефрейтор, на что тот, для начала обложив немцев отборным матом, приказал:

– Стреляй, дурак! – и приложившись к своей СВТ, нажал спуск.

Этот первый выстрел, прозвучавший с острова, словно послужил сигналом для немцев, и с правого берега, поддерживая штурмовой десант, слитно загрохотала их артиллерия. Однако и на острове тоже враз ожили молчавшие до этого огневые точки, покрывая речную гладь преграждавшими путь полосами брызг от густо ложившихся на воду пулемётных очередей.

Казалось, они вот-вот порвут в клочья уязвимые борта штурмовых лодок, и точно, сначала одна заметно осела в воду, а затем другая с заглохшим мотором начала сплывать по течению. Однако лодок было множество, и потеря даже десятка из них ничего не решала. Вдоба-

вок немцы зажгли установленные прямо на берегу мощные прожектора, лучи которых должны были слепить защитников.

Один такой луч ударил прямо в лощинку, где затаился секрет, и ефрейтор, прикрывая глаза ладонью, выматерился:

– Вот гады, теперь ни хрена не видно, куда стрелять!

– Похоже, нам драпать пора, – зло сказал тоже шутившийся от нестерпимого света сержант и добавил: – Я считал, там лодок с полсотни и в каждой, почитай, десяток и боле. Секёшь?

– Так то ж батальон... – пробормотал ефрейтор и первым пополз из лощины к ближайшим кустам.

– Ништяк, наши сейчас подмогу вышлют, – подбодрил напарника сержант и пополз следом.

Укрываясь за кустарником, бойцы выбрались к бугорку, с которого был виден левый берег, где занимал оборону их полк, и поняли, что дело плохо. Там, по обе стороны протоки, отделявшей остров, чуть ли не сплошь выросли кусты дымных разрывов. Это немцы, чтобы обеспечить успех штурмовым группам, открыли плотный заградительный огонь.

Пока сержант решал, как поступить, примерно от места, где только что укрывался секрет, донеслись легко угадываемые по темпу стрельбы очереди немецких пулемётов. Сержант прислушался и обеспокоенно сказал:

– Наши вроде как замолчали...

И точно, за частыми разрывами и пальбой стрельбы «максимов» больше не было слышно и только откуда-то издали, похоже с другого конца острова, ещё огрызнулся знакомыми очередями один пулемёт. Понимая, что всё складывается паршиво, сержант решал, то ли пробираться к позициям роты, куда уже наверняка вышли немцы, то ли ещё что предпринять, но всё время бывший с ним рядом ефрейтор, видимо, догадавшись, о чём думает напарник, сбивчиво заговорил:

– Ну чего ты тянешь? Ежели туда сунемся, перебьют как курей, – а потом, затравленно озираясь, сделал вывод: – Тикать надо, тикать...

– Куда тикать? – огрызнулся сержант и показал на протоку, где то и дело вскипали поднятые снарядами водяные столбы.

Пока пребывавшие в полной растерянности бойцы оглядывались по сторонам, за их спинами послышался треск ломавшихся веток, и, обернувшись, они увидели, как через кусты, держа свой карабин наизготовку, продирается немецкий солдат. От неожиданности бойцы на какой-то момент замерли, а увидевший их немец громко, явно призывая своих, выкрикнул:

– Руссише зольдатен! – И прицелился.

Бежать или идти всегда легче с винтовкой на весу, и сейчас вышло так, что для выстрела и сержанту и ефрейтору надо было вскинуть СВТ, а появившемуся из кустов врагу – всего лишь нажать спуск. Сообразив это, немец повёл стволом карабина и с издевательской ухмылкой приказал:

– Верфе ди ваффен век!.. Хенде хох!³

Всё было понятно без перевода, и ефрейтор, не спуская глаз с пугающего зрачка направленного на него дула, первым положил винтовку на землю.

– Гут⁴, – кивнул головой немец, выжидательно глянув на всё ещё продолжавшего стоять сержанта.

И тут внезапно произошло неожиданное. Сержант незаметно положил палец на спусковой крючок и, даже не вскидывая винтовку к плечу, а всего лишь немного приподняв ствол,

³ Бросай оружие! Руки вверх!

⁴ Хорошо.

выстрелил. На лице немца мелькнуло удивление, тут же сменившееся гримасой боли. Солдат выронил карабин, нелепо взмахнул руками и тяжело навалился спиной на ближайший куст.

Секунду сержант смотрел на упавшего немца, а потом резко повернулся и бросился бежать. Ефрейтор же ещё какое-то время ошарашенно торчал на месте, а затем, наконец-то сообразив, что рядом могут быть другие немцы, подхватил винтовку и помчался вслед за уже далеко отбежавшим сержантом. С трудом догнав его, запыхавшийся ефрейтор спросил:

– Ты куда?..

– К своим, вплавь уйду, – на ходу бросил сержант.

– Так гляди, как бьют... – растерянно протянул ефрейтор, указывая на покрытую всплесками взрывов протоку. – И опять же я плаваю плохо...

– А мне плевать, – сержант остановился перевести дух и презрительно глянул на товарища. – И чего тебе? Опять винтарь бросишь и руки кверху.

– Да-к это, у меня магазин пустой... – забормотал ефрейтор.

– Не брешь! – сержант матюкнулся. – Сдрейфил, сука...

– Ну, прости, сробел, – ефрейтор опустил голову. – И опять же подыми я винтовку, немец бы враз пальнул...

– Так я ж стрелял, – в голосе сержанта послышалась примирительная нотка, и сразу уловивший её ефрейтор горячо заверил:

– Я им, гадам, ей-богу, не сдамся. Тоже стрелять буду. – И ефрейтор принялся торопливо менять и вправду пустой магазин своей СВТ.

– Ну, тогда идём, – сказал сержант и, сторожко обходя большой куст, пояснил: – Там на охвостье⁵ я колоду видел. Стащим в воду и сплывём по течению. Оно само к нашему берегу вынесет.

– Так это ж другое дело, – обрадовался ефрейтор и, крепче перехватив СВТ, пошёл за сержантом...

* * *

Стоя перед стратегической картой всего Юго-Западного фронта, начальник оперативного отдела полковник Баграмян напряжённо думал. Эту карту офицеры его отдела срочно изготовили к заседанию Военного совета фронта, нанеся на неё всё, что к настоящему моменту было известно о противнике. Карта получилась большая, в комнате, где намечалось проведение заседания, подходящего стола не было, и тогда оперативники повесили её просто на стену.

С пугающей ясностью она показывала, что на правом берегу Днепра, кроме Киевского укрепрайона, других плацдармов у Красной армии нет. Да и этот, единственный пока, успешно удерживаемый участок ограничивался первой линией оборонительного обвода, дуга которого длиной в семьдесят километров своим правым и левым флангами упиралась в Днепр.

На этой карте зримо вырисовывался опасный контур возможного немецкого наступления, грозившего окружением Киева. Для реализации такого плана у немцев предпосылки уже наметились. Особое беспокойство вызывали плацдармы: Окуниновский, с оказавшимся в руках немцев неповреждённым мостом, и Кременчугский, где противник, высадившись сначала на острова, сумел захватить и прибрежную полосу.

Звук открывшейся двери заставил поглощённого изучением карты Баграмяна отвлечься. Полковник обернулся и увидел пришедшего первым члена Военного совета невысокого и улыбчивого дивизионного комиссара Рыкова. Однако сложившаяся к этому времени обстановка не сулила ничего радостного, и потому, усаживаясь, член Военного совета невесело поинтересовался:

⁵ Окончание острова.

– Над чем колдуете, Иван Христофорович?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.